

ГЛАВА 1

Всей этой в высшей степени запутанной истории могло бы и не произойти, если бы бабушке не понадобилось улечься рядом с дедушкой.

Вопрос этот всплыл совершенно внезапно, когда никто не ожидал никакого подвоха. Мысль о собственном упокоении пришла бабушке в голову ровно в тот момент, когда она уже занесла руку, чтобы поставить свою подпись в завещании, которое вся семья согласовывала на протяжении нескольких месяцев.

Это были нелегкие переговоры, в процессе их не раз и не два возникали разногласия, которые семье в итоге и с честью удалось преодолеть. Все это потребовало от всех членов семьи траты немалого количества своих нервных клеток, но все же окончательный вариант документа был ими выработан и утвержден.

И вот сегодня должно было случиться его официальное подписание, но на самом последнем этапе бабушка неожиданно для всех снова замешкалась.

Вся родня, затаив дыхание, следила за движениями бабушки. И когда старушка опустила ручку, родственники, не стесняясь друг друга, разочарованно выдохнули.

— Так я и знал, — прошептал Виктор.

Виктор был сын и наследник, его волнение было хорошо понятно.

— Ну что такое, мама? — с раздражением поинтересовался Николай, который являлся старшим сыном Екатерины Прокофьевны и временами даже позволял себе критиковать мать, за что являлся нелюбимым ребенком, а всего лишь первым по старшинству из всех троих детей. — Мы все уже обговорили. Двадцать раз обсудили, что и кому из нас ты оставляешь. Разве трудно поставить свою подпись, чтобы все могли разойтись и заняться чем-то более продуктивным?

— В самом деле, мама, — вмешалась и Лиза — дочь и третий ребенок Екатерины Прокофьевны, — чего ты тянешь?

Все остальные выжидающе молчали, и это молчание очень не понравилось старушке.

— А вам, молодым, все бы лишь поспешить. Поспешешь — людей насмешишь!

И бабушка обвела глазами всю свою семью, собравшуюся сегодня вместе. Были тут и дети, были и внуки, все родные, все любимые, все рядом. Случалось такое нечасто, но сегодня и

день был особенный: Екатерина Прокофьевна намеревалась записать свое последнее волеизъявление. Хотеть-то старушка этого хотела, да что-то у нее застопорилось.

— Вы мне сначала скажите, вот помру я, а куда вы меня положить намерены?

— Господи, мама, ну что за вопрос? — растерялся Николай, пока его брат и сестра молча хлопали глазами в полнейшем недоумении от внезапно всплывшей невесть откуда проблемы. — Сама знаешь куда.

— И куда?

— Куда всех, туда и тебя.

— К нашим? Нет, не поеду к ним! — спокойно, но решительно произнесла бабушка. — Не хочу с матерью и бабкой лежать. Они мне при жизни немало крови попортили. А ваш дед, мой отец, еще и ремнем меня в детстве охаживал. Про маму ничего плохого не скажу, но и она меня иной раз умела до белого каления довести. Так что нет! Не хочу к тем, кто меня обижал.

— Наверное, было за что.

— Было — не было, никогда ему этого не прощу! — сердито воскликнула бабушка. — Не лягу к ним! Никогда! Пусть одни там маются. Или вы к ним ложитесь, если хотите, я вас не неволю!

— Нам еще рано.

— Это никому не рано и никогда не поздно. Человек собой не располагает. Но волю свою я вам изъявляю! Лечь хочу не там!

— А где?

— К Степушке моему родименькому лягу.

Все родственники в полнейшем изумлении переглянулись. Никаких Степанов среди них не водилось.

— Это кто ж такой? — не скрывая своего любопытства, спросила Лиза.

— Уж и забыла! Стыдно тебе должно быть за такое невнимание к матери. Муж это мой! Степушка! Родименький мой!

В первый момент все испугались, что бабушка сошла с ума. Вот так неожиданно, бац, и спятила старушка! Но потом Фима — младшая и любимая внучка бабушки — не растерялась и стала кое-что вспоминать.

— Степаном звали первого мужа бабушки, — сказала она. — Они прожили вместе всего год, а потом он умер. Правильно, ба?

— Вот девчонка мелкая, а и та помнит. А вы, детки мои великовозрастные, про мать свою ничего не знаете!

— Ладно, мама, мы все поняли. Степан — твой первый муж, но ведь он умер много лет назад.

— Семьдесят!

— Вот видишь! Где нам его могилу искать?

— А не надо ее искать, я вам сама ее покажу.

— Ты разве помнишь, где он похоронен?

— Как вчера это было. Степушка мой лежит в новом своем костюмчике, на свадьбу мы ему справили, он и поносить-то его не успел. Личико платочком шелковым прикрыто, и одет красиво. Модный такой! И ботиночки, и рубашечка, галстук и тот один раз всего надел. А второй раз уж в последний путь мы в него обрядили Степушку моего. Свекровь говорила, что не надо костюм в гроб класть, хороший еще костюм, дорогой, брату или отцу может пригодиться, но я настояла, чтобы Степочку как полагается проводили. И гроб я хороший выбрала, а не то сосновое убожество, которое свекровь мне вначале предлагала. И могилку на холмике указала. Могильщикам пришлось на лапу дать, чтобы они Степочке хорошее место организовали. Сначала-то они в низинке предлагали, а там даже летом земля не просыхала. Лежал бы мой Степушка по шею в водичке, а так на пригорке, солнышко на него светит, ветерок обдувает, хорошо ему там!

— Мама, но семьдесят лет с тех пор прошло. И ты же там столько лет не была!

— И что?

— Может, там все изменилось!

— Как на кладбище может что-то измениться? Кладбище, мой дорогой, это уж раз и навсегда. Могила Степушки там, где и была, я в этом уверена.

— Но почему с ним? Почему не с моим отцом? — с обидой спросил Николай. — Почему не с Лизкиным и не с Витиным? С моим отцом ты десять лет прожила. А с Лизкиным и Витиным батей все сорок. Он и меня воспитал, хоть я ему неродной был, ничего плохого я про отчима сказать не могу. Никогда он между мной и родными своими детьми разницы не делал. Отличный был мужик. Почему не с ними? Тем более что они оба в одном месте похоронены, очень славно бы ты там с ними устроилась. Оба близкие тебе люди.

— Не знаешь, так и молчи! Они оба меня обижали при жизни. Не хочу я с ними и после смерти валандаться. К Степушке моему пойду. С ним одним хочу лежать! И точка!

И Екатерина Прокофьевна поджала губы, что являлось очень плохой приметой. Это значило, что старушка заупрямилась уже всерьез и надолго. На то, чтобы ее переубедить, у родственников могло уйти слишком много времени. Того самого драгоценного времени, которого у них могло не быть вовсе, учитывая более чем преклонный возраст старушки.

Николай понял это первым.

— Все! С меня хватит! — воскликнул он. — Я ухожу!

У дверей он обернулся и обратился к матери:

— Хорошо, что я Татьяну с учебы не дернул, как ты требовала. У девчонки сегодня зачет важный, красиво бы получилось, ни зачета, ни завещания. Как чувствовал, что ты, мать, что-нибудь эдакое обязательно выкинешь!

И, хлопнув дверью, исчез.

— Ну и что нам делать? — спросил Витя у родни, когда они все несолоно хлебавши вышли из конторы нотариуса.

Николая уже не было видно. Он сказал, что возвращается на работу. Но так как работал Николай «на удаленке», то поехал он к себе домой. А там его должна была встретить жена Полина, у которой Николай был под полнейшим каблуком.

Даже странно, что Полина не явилась на подписание завещания, чтобы лично контролировать весь процесс. Но Николай объяснил, что жена с утра почувствовала себя плохо, поэтому и не смогла приехать.

Сама Екатерина Прокофьевна осталась в здании нотариальной конторы еще «на минутку», ей было нужно перекинуться парой слов с нотариусом «по секрету».

Эти секретники своей бабушки очень не понравились ее семье. Но еще сильнее им не нравилась новая затея старушки.

— Это что же получается, все наши будут лежать на Северном, а мать уляжется... Кстати, где этот ее чудесный Степушка лежит?

— На Киновеевском, — подсказала Фима.

— Ты-то откуда все это знаешь?

— Вы с бабушкой не сидите, а я, пока на карантине, целыми днями про этого ее Степушку слушаю. Знаю его теперь уже лучше родного своего деда!

— Интересно, чем ей Колькин батя не угодил? — проворчал Витя. — Мать всегда говорила, что любили они друг друга без памяти.

— Бабушка на него обижена.

— Это за что же?

— За то, что он ее бросил!

Виктор выпучил глаза на дочь:

— Не бросал он ее! Он от инфаркта умер! Сорок лет мужику всего было. Трагедия! Не бросал он ее!

— А бабушка считает, что если бы он лучше о своем здоровье заботился и не пошел бы в ту баню, куда она его пускать не хотела, то он бы и по сей час был бы с ней. А значит, он по собственному желанию ушел. Не послушался ее советов, и вот вам результат, умер и бросил ее выживать одну с ребенком.

Все оторопело уставились на девчонку.

— Ладно, а наш папа, твой родной дед, чем перед ней проштрафился? — спросила у племянницы Лиза.

— Он бабушке изменял.

— С кем это? — возмутилась Лиза. — Папу после инсульта парализовало, он до самой смерти от матери не отходил, а она от него. Целых десять лет она его туда-сюда на коляске катала!

— Он бабушке всю жизнь изменял, у него любовь была к Софии Ротару.

— Этого еще не хватало! — простонала Лиза. — Она же артистка! Певица! Ее половина всего Советского Союза обожала, а вторая половина Аллу Борисовну боготворила. Но это же не всерьез!

— Для бабушки всерьез.

— И это из-за такой глупости бабка не хочет к деду ложиться?

— Можно подумать, Степушка этот ее не бросал! — поддержал сестру возмущенный Витя. — Раз умер, то по, логике бабки, тоже ее бросил!

Фима величественно покачала головой. Ей очень нравилось прикованное к ее персоне внимание всех взрослых членов семьи. Никогда еще девочке не удавалось в такой мере почувствовать свою значимость. Ощущение было новым и очень приятным.

— Нет! — важно произнесла она. — Степушка нашу бабушку не бросал. Он не сам умер, его убили. Он в этом был не виноват.

— Ах вот оно что! — надулся Витя. — Значит, моего отца можно сделать виноватым изменником, а этот голодранец святой! Надо было, чтобы отца тоже кто-нибудь пришил, тогда бы он хороший был!

— Папа, только не говори так при бабушке! — испугалась Фима. — И вовсе Степа не голодранец был. Он из очень состоятельной семьи.

— Чего же тогда родная мать его в простом сосновом гробу закопать хотела?

— Этого я не знаю. Но у них и дом в Невском районе до войны был, прямо на Неву окна второго этажа смотрели. И в доме мебель красивая, а в шкафах посуда дорогая. И золото-брильянты. Они все из купцов, а у деда Степана до революции на Неве свое пароходство было. Он грузовыми баржами владел, с Ладоги и из Карелии лес вез, а обратно товары всякие.

— И как же такого золотого мальчика и убили?

— У Степы друг был, Пером его звали. Из-за него все случилось.

— Что случилось?

Тут Фима смутилась. Что там у бабушки, ее первого мужа Степана и его друга Перыш-

ка приключилось, девочка и сама толком не знала. Бабушка всегда говорила об этом как-то очень туманно и намеками. Но признаваться в собственной неосведомленности Фиме до крайности не хотелось. И пока она судорожно думала, как бы ей половчее соврать, в дверях нотариальной конторы показалась бабушка.

Все бросились к старушке, избавив Фиму от объяснений.

— Ты передумала? — подскочил Витя к матери.

Но бабушка была непоколебима:

— Лягу только с моим Степушкой.

— Ладно, мама. Твоя взяла. Как хочешь, так и делай.

— А раз так, то поезжайте, договаривайтесь.

Витя оторопел:

— Куда поезжайте?

— На Киновеевское кладбище. Договаривайтесь там с администрацией. Могилку Степушки вам Фима покажет.

Внимание всех взрослых вновь обратилось на девочку, отчего Фима вся покраснелась.

Но тут же взяла себя в руки и кинулась к бабушке:

— Я отвезу! Я покажу!

— Дорогу до могилы помнишь? — строго спросила у внучки Екатерина Прокофьевна.